

РАЗДЕЛ I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

УДК 338.2:334.45

НОВАЯ ПАРАДИГМА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Ю.А. Малышев, д. экон. наук, доц., зав. кафедрой экономической теории и отраслевых рынков

Электронный адрес: malyshev@econ.psu.ru

А.И. Камалов, ассист. кафедры финансов, кредита и биржевого дела

ГОУ ВПО «Пермский государственный университет», 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Электронный адрес: urmal@dom.raid.ru

В статье рассматриваются проблемы демографического кризиса в регионе, основной причиной которого, по мнению авторов, является низкая бюджетная обеспеченность социальной сферы из-за фактического отсутствия промышленной политики в регионе и необходимых для ее проведения атрибутов. Уточнены понятия: инновационная экономика, неоиндустриальная парадигма развития и промышленной политики. Рассмотрены аспекты развития теории геэкономической политики в регионе и дано ее авторское определение. Выявлены основные направления регулирования и определен контур парадигмы промышленной политики в регионе. Разработана схема классификации связей между экономическими агентами при реализации промышленной и инновационной политик. Разработана шкала оценки отношений в промышленной политике между агентами экономики. Произведена оценка и определен ландшафт макроотношений в промышленной политике Пермского края с использованием разработанной шкалы оценок.

Ключевые слова: инновационная экономика; неоиндустриальная парадигма развития; промышленная политика; ландшафт макро-отношений в промышленной политике.

*Великие нации никогда не беднеют из-за расточительности и
неблагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительности и
неблагоразумия государственной власти.*

Адам Смит

Проблема. Человеческое сообщество рассматривается исходя из современной парадигмы как система в целом, ее части существуют и эволюционируют только для достижения единой цели, таковой может быть только развитие конкретного человека, его материальных и духовных потребностей [25, с.239-245].

Демографический кризис, переживаемый в настоящее время Россией, носит системный характер и проявляется низким уровнем рождаемости, высоким уровнем смертности, устойчивой депопуляцией, разрушением семейных ценностей, а также целым рядом негативных изменений в населении. Наиболее объективную комплексную оценку различных аспектов

демографического кризиса обеспечивает индекс качества населения.

По этому показателю согласно данным Госстата Пермский край имеет тенденцию к снижению. В 1990 г. индекс качества жизни составлял 0,822, а в 2004 – 0,721[31]. Анализ структуры обобщенных индикаторов качественных характеристик населения показывает, что существенный вклад в повышение уровня индекса качества населения вносит как социальная сфера (суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни, число мужчин, состоящих в браке, число занятых с высшим и средним образованием), так и экономическая сфера (среднедушевой реальный ВРП) [31, с. 237-239]. Структуру производства ВРП можно представить двумя сферами: сферой

материального производства (промышленность и АПК) и сферой нематериального производства (социальная сфера и сфера услуг). Эти сферы также называют производственной и непроизводственной.

У законодательного органа власти есть рычаги проведения социальной политики. Это, прежде всего утверждаемый им бюджет, а также внебюджетные фонды [19]. Путем корректировки доходных или расходных статей проектов бюджета и внебюджетных фондов законодатели создают основу финансового обеспечения принятых ими документов по социальной политике [31]. Однако, исходя из мирового опыта, можно оценить параметры финансирования важнейших государственных функций, соответствующие современным требованиям. Так, расходы на здравоохранение должны составлять от 5% (минимально допустимый уровень, рекомендуемый Всемирной организацией здравоохранения) до 10% (уровень наиболее благополучных стран) от общего объема государственных расходов. На образование — от 5 до 7%. Расходы на науку по «Закону о науке» должны составлять 4,7%. В России же расходы на науку составляют 2,5% от общего объема государственных расходов, на образование - около 4%, на здравоохранение - 2,8%, что не соответствует ни требованиям социального государства, ни потребностям развития человеческого потенциала.

Численность населения Пермского края составила на 1 января 2008 г. 2718,2 тыс. человек, по сравнению с 2007 г. сократилась на 12,7 тыс. человек. Мужчин насчитывалось 1249,1 тыс. чел. (46%) и женщин 1469,1 тыс. чел. (54,0%). В том числе доля трудоспособного населения составила 63,3% (1721,1 тыс. чел), а доля моложе трудоспособного населения (возраст от 0 до 15 лет) — 16,9% (459,3 тыс. чел). Преобладающая доля городского населения — 75%. На сокращение численности повлияли как естественная убыль (9,7 тыс. чел.), так и отток жителей за счет миграции (2,9 тыс. чел.)

При достаточно большой территории края (160,6 тыс. кв. м) средняя плотность населения составляет 17 чел./кв.км. Эта величина вдвое ниже, чем средняя плотность населения у регионов - конкурентов (Татарстан-55,6 чел./кв.км, Нижегородская- 45,8 чел./кв.км, Самарская-60,4 чел./кв.км, Свердловская-23 чел./кв.км, Челябинская - 41 чел./кв.км, Башкортостан - 19,5 чел./кв.км), но выше, чем в среднем по России (8,5 чел./кв.км). Анализ развитых стран показал, что для интенсификации и модернизации производства плотность должна составлять от 50 чел./кв.км [5].

На динамику численности населения влияет сочетание двух процессов: естественное воспроизводство населения и межрегиональная миграция.

В настоящее время Пермский край, как и Россия в целом, переживает острый демографический кризис, который характеризуется преждевременной смертностью и сокращением численности населения одновременно с его старением.

С 2002 г. наблюдается миграционная убыль населения. Миграционный отток населения за пределы края за период с 2002 по 2007 г. составил более 18 тыс. человек, это в основном активная часть населения.

Только за январь-октябрь 2008 г. миграционный отток согласно Пермьстата составил 2355 человек. Этот показатель практически равен аналогичному в 2007 г. (2353 человек в течение 10 месяцев 2007 г.).

Значительное число выбывших выбрали для проживания Уральский, Центральный и Южный федеральный округа. Особое предпочтение жители Пермского края отдают Свердловской, Тюменской, Московской, Ростовской и Челябинской областям и Ханты-мансийскому автономному округу [20]. Так, за десять месяцев 2008 г. миграционный отток в Свердловскую область составил 967 человек, в Москву и Московскую область — 768, Краснодарский край — 383, Санкт-Петербург и Ленинградскую область — 374 человека. К тому же все чаще наши жители выбирают для проживания Республику Татарстан, Башкортостан и Нижегородскую область.

На 24% сократился размер международной миграции, за 10 месяцев 2008 г. из Прикамья на постоянное место жительства в Германию выехали 55 человек, в Израиль — 21, США — 9, в прочие страны — 71 человек [36].

На сегодня в России уровень финансирования социальных расходов вдвое ниже среднемирового, втрое ниже уровня развитых стран и один из самых низких среди стран с переходной экономикой. Для выхода на среднемировой уровень финансирования социальной сферы с целью повышения качества жизни населения необходим экономический рост, основанный на промышленном развитии, поддержания воспроизводственных процессов, инновационного развития и значительных капитальных вложений в сферу материального производства (промышленность и АПК) [21]. Пермский край изначально доминировал в промышленном развитии, имел крепкие хозяйственные связи, занимал ведущие позиции в Уральском регионе и даже соперничал со Свердловской областью по объемам промышленного производства. В настоящее время Пермский край значительно отстает по

объемам и структуре промышленного производства от Свердловской области. Существующие разрывы в развитии промышленности в Пермском крае являются серьезной проблемой, мешающей развитию конкретного человека, его материальных и духовных потребностей, требующей своего решения.

Цель исследования. Рассмотреть современные тенденции в развитии теории стратегического управления, теории промышленной политики в условиях глобализации экономики, уточнить основные экономические понятия в области теории промышленной политики, сформировать новую парадигму развития промышленной политики, разработать структурную модель управления промышленной политикой в регионе и дать оценку состояния промышленной политики в регионе.

Изученность проблемы. Теория промышленной политики имеет глубокие корни. Проблемы развития промышленности в настоящее время в связи с глобализацией экономики получили вторую жизнь. Жан Тироль в 1988 г. выпустил книгу «Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности», Дональд Хэй и Деррик Моррисон в 1991 г. издали учебник «Теория организации промышленности» в двух томах, М.Бест – монографию «Новая Конкуренция. Институты промышленного развития». В Уральском округе вопросами промышленности занимается Институт экономики УРО РАН, возглавляемый академиком А.И.Татаркиным, в Приволжском округе вопросами промышленного развития занимается П.Г. Щедровицкий и др. Концепция геоэкономики в свое время была выдвинута историком Фрицем Реригом, ее популяризировал в своих трудах Фернан Бродель. Применительно к условиям конца XX в. эту концепцию переформулировал Жак Аттали, бывший личный советник президента Франции Ф. Миттерана и директор Европейского банка реконструкции и развития. К примеру, согласно выводам футуролога из США Э. Тоффлера, постиндустриальная экономика с самого начала демонстрировала ряд своих принципиальных особенностей, делавших ее качественно отличной от экономических реалий индустриальной эпохи. Речь шла о двухсоставной экономике, которая складывалась из сектора производства материальных благ и услуг, где доминируют законы рыночных отношений, и сектора "производства человека", где происходит накопление "человеческого капитала", в связи с чем не остается места отношениям спроса и предложения[22, с.431-433]. Особый взгляд на современную мировую экономику имеет В. Л.

Иноземцев, не поддерживающий концепций становления некоей новой глобальной экономики. По его мнению, в мире формируется новый международный порядок, который характеризуется прежде всего углублением и расширением пропасти, отделяющей постиндустриальные страны, где роль главного производственного ресурса начинают играть информация и знания, от всего остального мира. Речь идет об используемых для характеристики постиндустриального сектора экономики определениях: экономики, основанной на знаниях (knowledge economy) и экономики, базирующейся на информации (information economy)[7, с. 3]. Проблемы геоэкономического развития и его влияния на Россию в настоящее время волнуют многих российских ученых: Э.Г. Кочетова, П.Г. Щедровицкого, А.И. Уткина, А. Д. Богатурова, В.Л. Иноземцева, С. Переслегина, В. Княгина и др.

Понятие «кластер» в научной литературе впервые появилось в конце XIX в. в связи с идентификацией и оценкой важности А.Маршаллом текстильного кластера в районе Манчестера и кластера металлообработки в Шеффилде (Англия)[4, с.51-68]. В 1920 г. были опубликованы его первые разработки в области кластерного подхода[35]. В середине XX в. большой вклад в дальнейшее развитие сетевых систем в виде «индустриальных округов» внесли итальянские исследователи и практики. В 1979 г. в работах С.Замански и Л.Абласа появилось понятие «промышленный кластер» как «множество производств, связанных потоками товаров и услуг сильнее, чем с другими секторами национальной экономики» [34, с.61-80].

Первым кластерную модель в связи с исследованиями в области конкурентоспособности стран и регионов разработал М.Портер. В своей концепции конкурентоспособности он попытался совместить неоклассическую экономическую теорию А.Маршалла с теорией внешнеэкономической деятельности фирм[17], что позволило сформулировать критерий конкурентоспособности страны по ее доле в мировом экспорте каждого товара. Под конкурентоспособностью государства стала пониматься его экспортная конкурентоспособность, выражаемая через внешнеэкономическую деятельность компаний. Таким образом, М.Портер акцентировал внимание не на экономике в целом, а на определенных отраслях и подотраслях экономики.

Существует много работ, где региональное пространство рассматривается в рамках сетевой экономики – А.Маршалл, М. Энрайт, С. Гоетц, Р.Шулер. Основные труды по влиянию сетевой экономики на экономическое пространство принадлежат М.Кастельсу,

К.Келли, Ф.Котлеру, Д.Страку, П.Сенге, Л.Тевено, в российской экономике В.Азуану, А.Неклессы, В.Радаеву, С.Сухову и др.

Разработка понятий. Парадигма (от греч. *παράδειγμα* – пример, модель, образец) в методологии науки — это совокупность ценностей, методов, подходов, технических навыков и средств, принятых в научном сообществе в рамках устоявшейся научной традиции в определенный период времени. К общепринятым парадигмам относятся образцовый метод принятия решений, модели мира или его частей (отраслей, областей знаний, сфер жизни и деятельности), принимаемые большим количеством людей. Личная парадигма — это сущностный метод принятия решений, ментальная модель конкретного человека. Неверно бытующее утверждение, что «естественным образом она обязательно будет отличаться от общепринятой, поскольку учитывает личный опыт субъекта, а также не является полной — никто не может знать все обо всем». Дело в том, что общепринятая парадигма определяет не «знание всего», а только сущностное знание, необходимое для обеспечения эволюционной деятельности личности в социальной действительности и обретения разума [1].

Под парадигмой будем понимать *совокупность ценностей, методов, подходов в исследовании проблемы в конкретной области знания, основанных на ментальной модели человека.*

В настоящее время политики часто стали использовать понятие, связанное с промышленной политикой, — **индустриализация**, как новая возможность экономического роста в России. Уточним содержание данного понятия в современных условиях и в случае его архаичности предложим новое. В советское время региональное развитие в его индустриальной модели предполагало масштабные государственные инвестиции в индустриальное и социальное строительство, а также реализацию больших миграционных проектов. Многие ученые считают, что дальнейшая индустриализация российских территорий бессмысленна как с культурно-исторической точки зрения, так и из-за отсутствия у государства достаточных средств. У России нет новых "прорывных" технологий и индустриальных проектов, требующих гигантского строительства и способных обеспечить долгосрочный региональный рост. Специфические для советской эпохи силовые и идеологические средства мобилизации человеческих ресурсов уже не могут быть использованы и поэтому индустриализация сырьевых зон неминуемо окажется не обеспеченной рабочей силой. Вероятность же

проведения индустриализации без масштабной миграции оценивается экспертами как очень незначительная.

Эпоха экстенсивного (колониального) освоения территорий, когда масштаб владений предопределял статус и хозяйственную мощь той или иной страны, закончилась еще на рубеже XIX и XX вв. Начиная с этого времени и до последней четверти прошлого столетия развитие понималось как индустриализация. Территория становилась той физической платформой, на которой происходило размещение производительных сил. Территориальная политика государств была направлена на то, чтобы обеспечить на территории оптимальную конфигурацию главных факторов индустриального производства — рабочей силы, основных фондов, энергосырьевых источников, обслуживающих комплексов и инфраструктур[1].

Начиная с 90-х гг. XX в. индустриальные приоритеты регионального развития в постсоветской России оказались утрачены, что предопределено общемировым кризисом индустриальной модели развития. Старые централизованные механизмы регионального управления и планирования были разрушены, а новые так и не сформировались. В это время Запад совершил скачок вперед, приняв модель инновационного развития, пришедшую на смену индустриальной. Важнейшей задачей в области региональной политики стало формирование институциональных механизмов и инфраструктур инновационной экономики на каждом уровне — наднациональном, страновом, региональном, локальном. Так называемая "экономика знаний" опирается уже не на природные ресурсы, а на человеческий капитал и потому ставит перед региональной политикой вопрос о формировании среды для восстановления и развития человеческих и природных ресурсов. Ускоренными темпами создаются инфраструктуры, обеспечивающие экологизацию хозяйственной деятельности, информатизацию управленческих процессов и капитализацию человеческих ресурсов. Прежний подход к территории как объекту индустриального освоения и эксплуатации, свойственный индустриальной фазе развития, уже не работает. Региональная политика все больше приобретает средовой характер, трансформируясь в так называемое пространственное развитие[30].

Следовательно, понятие индустриализации в настоящее время для России не актуально, можно говорить при формировании промышленной политики только о **неоиндустриальной парадигме развития, концентрирующей энергию инновационной**

экономики и по-новому собирающей территории и человеческие ресурсы, кардинально способствующей увеличению добавленной стоимости, создаваемой в инновационном секторе с помощью инноваций в традиционных отраслях обеспечивающей концентрацию ресурсов на приоритетных направлениях и создающей условия для межрегиональной кооперации и стратегического партнерства власти, бизнеса и общественных институтов в рамках инновационной модели развития. Неоиндустриальная парадигма требует создания новых управленческих технологий развития территорий, схем пространственного взаимодействия, собирающих их компетенции, ресурсы и повышающих конкурентоспособность.

Так же часто говорят: экономика знаний, инновационная экономика. Попробуем разобраться и в этих понятиях. По мнению Н.В. Захаровой, инновационная экономика – это экономика, характеризующаяся высокими показателями инновационной активности, экономика, которая способствует быстрому воспроизводству и коммерциализации знаний.

Н.В. Захарова анализирует феномен национальных инновационных систем (НИС), их влияние на развитие инновационной экономики. По ее мнению, национальная инновационная система (НИС) – это совокупность взаимосвязанных структур, занятых воспроизводством и коммерциализацией накапливаемых знаний и функционирующих в условиях определенного экономического, правового и социального контекста. Фундаментом НИС является совокупность субъектов, участвующих в производстве (генерации), передаче, использовании знаний и коммерциализации нововведений – мелкие, средние, крупные компании и образуемые ими сети, университеты, государственные лаборатории, технопарки и бизнес-инкубаторы, прочие исследовательские учреждения и научная система в целом. Основа успешного функционирования НИС – взаимодействие правовых, финансовых, социальных институтов, различных элементов, влияющих на инновационный процесс и обеспечивающих его, учитывающих национальные корни, сложившиеся традиции, политические и культурные особенности [6]. По мнению В.П. Колесова и его коллег [31], экономика знаний определяется возросшей на товарном рынке долей знаниеемких товаров и появлением компаний – создателей знаний с высоким объемом в активах интеллектуального капитала, высокой долей услуг в производстве ВВП, расширением систем образования и

объемом научных исследований, наличием института сетевой экономики, позволяющего использовать знания в виде неформальных сетей, наличием национальных инновационных систем, появлением новых рынков образовательных услуг и рынка труда. В качестве среды экономики знаний В.П. Колесов рассматривает инновационную среду характеризующуюся следующими факторами: экономической свободой, уровнем коррупции, бюрократическими барьерами, условиями для малого бизнеса, конкурентоспособностью, степенью защищенности от криминала и произвола чиновников, уровнем исполнения контрактов.

Если рассматривать хронологию и содержание развития технологических укладов, то смысл советского развития включал в себя освоение возможностей, предоставленных IV укладом. Его основными отраслями были металлургия, тяжелое машиностроение, большая химия, автомобиле- и самолетостроение. Возможности V уклада (микроэлектроника, компьютеры, телекоммуникации, малотоннажная химия) были упущены нашей страной. Потенциал этого уклада был в полной мере реализован США, Японией, Южной Кореей.

В настоящее время мир готовится к освоению нового технологического уклада – VI. Ведущую роль в нем будут играть биотехнологии, нанотехнологии, полномасштабные технологии виртуальной реальности, роботика, новая медицина, высокие гуманитарные технологии, новое природопользование. Сейчас решается, какие отрасли, фирмы, страны станут на этой новой площадке ведущими, а какие – ведомыми. По оценкам отечественных и зарубежных экспертов, этот рынок произойдет в 2014–2018 гг. С ним будут, вероятно, связаны серьезные изменения в области вооружений, в промышленности, сельском хозяйстве, управлении, социальной сфере.

Проблема развития общества состоит в том, что потенциал развития отраслей V уклада в большей степени исчерпан, а отрасли VI уклада к вложению значительных средств не подготовлены.

Следовательно, можно дать определение парадигме **инновационной экономики** как экономики пространственного многоуровневого характера, основанной на знаниях и продуктивной инновационной среде, способствующей передаче, использованию знаний и коммерциализации нововведений, имеющей предназначение во времени, свои национальные корни, сложившиеся традиции, культурные ценности и ориентированной на использование в производстве и оказание услуг

отраслей современных технологические укладов.

Рассмотрим следующее понятие - геоэкономическая парадигма.

В отечественной и зарубежной научной литературе доминируют следующие определения глобализации мировой экономики:

- качественно новый уровень интегрированности, целостности и взаимозависимости мира;

- объективное усиление проницаемости межгосударственных перегородок;

- резкое возрастание масштабов, объемов и интенсивности трансгосударственных, транснациональных перетоков капиталов, информации, услуг и человеческих ресурсов;

- усиление роли вне-, над-, транс- и просто негосударственных регуляторов мировой экономики;

- форсированный экспорт и вживление в политическую ткань разных стран мира тех или иных вариантов моделей демократического государственного устройства и принципов рыночного хозяйствования;

- развитие экономической и политической взаимозависимости стран и регионов мира до такого уровня, на котором становится возможной и необходимой постановка вопроса о создании единого мирового правового поля и мировых органов экономического и политического управления;

- выход интересов хозяйственных субъектов за национально-государственные рамки;

- решение национальных частных экономических проблем с учетом мировых хозяйственных интересов и мобилизации мировых ресурсов;

- взаимозависимость экономической ситуации в развитых и развивающихся странах;

- потребность в общемировой координации всех или большинства проблем функционирования национальных моделей экономической и финансовой политики [3, с.203-205].

А. И. Уткину принадлежит одно из самых собирательных определений этого феномена, который квалифицируется как слияние национальных экономик в единую, общемировую систему [24, с.37].

Жак Аттали, рассматривая экономическую деятельность в ее мировом пространственном измерении, приходит к следующему выводу: для геоэкономики совершенно не важно, какой народ проживает на той или иной территории, какова его история, культурные традиции. Заслуживает внимания лишь то, где располагаются центры мировых бирж, полезные ископаемые, крупнейшие производства. Геоэкономика в интерпретации

Аттали подходит к миру и его реалиям так, как если бы мировое правительство уже существовало и единое планетарное государство состоялось. По его мнению, три важнейших экономических пространства современности - американское, европейское и тихоокеанское - концентрически структурируют вокруг себя менее развитые регионы, расположенные в пространственной близости. По сути своей это была версия будущего, которое уже наступило [32].

Согласно К. Жану и П. Савона (они первые сформулировали ее современную концепцию), геоэкономика - это экономическая политика, идущая на смену, по крайней мере, в промышленно развитых государствах, преимущественно военной геополитике прошлого. Сама геоэкономика, ее законы и механизмы становятся парадигмой административно-правовой организации государства [5]. Геоэкономический подход, отмечают они далее, объединяет все экономические установки и структуры какой-либо страны в единую стратегию, учитывающую общемировую ситуацию. Более того, они утверждают, что геоэкономика основывается не только на логике, но и на синтаксисе геополитики и геостратегии, а в более широком смысле - и на всей практикологии конфликтных ситуаций. Для этих авторов характерно стремление интегрировать экономические понятия в политику, констатируя, что экономические цели, преследуемые геоэкономикой, структурно гораздо ближе конечным политическим устремлениям государства (богатство, процветание и благополучие граждан являются не только экономическими, но и политическими целями). Экономика, по их мнению, не может быть лишь самоцелью, она одновременно является и средством политики [31, с.13,15,42].

Э. Г. Кочетов считает, что геоэкономика выступает как

- симбиоз национальных экономик и государственных институтов, переплетение национальных и наднациональных экономических и государственных структур;

- политологическая система взглядов (концепций), согласно которой политика государства предопределяется экономическими факторами:

- а) оперированием на геоэкономическом атласе мира (в том числе на национальной его части);

- б) включением национальных экономик и их хозяйственных субъектов в мировые интернационализированные воспроизводственные ядра (циклы) с целью участия в формировании и распределении мирового

дохода, используя высокие геоэкономические технологии [9, с.63].

Атлас мира, по Э. Г. Кочетову, представляет собой:

1) проекцию ареалов национальных экономик и ареалов транснациональных экономических анклавов, взаимодействующих в мировом экономическом пространстве;

2) интерпретацию глобального пространства в форме, удобной для стратегического оперирования, принятия стратегических решений;

3) членение глобального пространства на отдельные страницы (сферы, уровни, срезы и т. п.);

4) поля (пространства) для извлечения мирового дохода [10, с.359,360].

Кочетов пишет о складывающейся в современном мире новой экономике, вкладывая в это понятие весьма широкий смысл:

а) следующий за постиндустриальным этап цивилизационного развития;

б) цивилизационная модель глобальной системы, опосредованная новым набором ценностей;

в) гармоничный симбиоз техногенных и внесистемных факторов, влияющих на воспроизводство качества жизни.

Неоэкономической модели мира, по мнению Кочетова, присущи новые субъекты развития, новые организационно-функциональные структуры: 1) вырождение корпораций, функционирующих на относительно постоянной основе и замена их на временно действующие консорциумы, функционирующие в рамках интернационализированных воспроизводственных ядер; 2) перерождение правительственных и государственных органов, так как воспроизводственные ядра, «перешагивая» через национальные границы, создают условия для формирования правительств, функционирующих на межгосударственной основе, но в рамках этих ядер [9, с.60].

Вместо противопоставления геоэкономики и геополитики, полагают В. И. Пантин и В. В. Лапкин, более плодотворным представляется синтез геополитического и геоэкономического подходов в рамках направления, которое условно можно назвать геоэкономической политикой. Она призвана изучать роль пространственно-географических и ресурсно-экономических факторов в функционировании политических систем, а также роль пространственных и политических факторов в действиях экономических систем. Геоэкономика, замечают эти авторы, до сих пор не имеет однозначного прочтения или толкования, и в самом общем плане представляет собой очередную попытку синтеза политической науки с элементами

экономического анализа или же претендует на место, ранее занимаемое геостратегией [11, с.43].

Большинство ученых, занимающихся геоэкономическими исследованиями, игнорируют тот очевидный факт, что классическая геополитика, положениями которой они, как правило, оперируют, достаточно давно уступила место современной геополитике, которая стала геополитикой взаимозависимого мира, перерастающего в постиндустриальный. Значительно расширив область своих интересов, спектр используемых подходов и понятий, расширив само исследовательское поле, современная геополитика в основе своей стала геополитикой мира, занятой поиском согласия в океане противоречий современной международной жизни. В. Л. Цымбурский следующим образом сформулировал свою позицию по поводу современной геополитики: «Геополитику я определяю как форму политического проектирования, конкретно заключающуюся в том, что среди массы данных, присутствующих на географической карте, геополитик выделяет такие конфигурации, которые служат основанием для некоего выдвигаемого им политического проекта. Что же касается экономиста, то он также планирует политику (а именно политику экономическую), отталкиваясь от тех конфигураций, которые ему открываются среди географических данных особого рода - данных, доставляемых экономической географией современности. Поэтому я рассматриваю геоэкономiku как отрасль геополитики, достаточно автономную, но, тем не менее, находящуюся в естественном взаимодействии с другими геополитическими отраслями» [29, с.171].

Специалисты вполне аргументированно ставят вопрос о складывании постиндустриального экономического способа производства, который призван создать производственно - распределительную базу будущей цивилизации[33]. Его главным элементом единодушно признается научное знание, которое заменяет труд в качестве производителя дополнительной стоимости, основной массы материальных благ и услуг. В этом смысле новая экономика не может не быть экономикой знаний. Интеллектуализация постиндустриальной экономики, по мнению В. Иноземцева, становится ее наиболее примечательной чертой, ибо а) знание представляют собой уникальные и одновременно неуничтожимые в процессе их "потребления" блага; б) знание произведенное можно воспроизвести и передавать по очень низкой цене; в) знание может получить цену, если только оно защищено какой-либо монополией; г) цену знания трудно установить

согласно закону спроса и предложения, поскольку информация в принципе неделима и покупатели не могут до конца понять, как оценить товар, пока они не купят его; д) природа знаний такова, что крайне трудно поддерживать монополию на информацию; е) научное знание, становясь предметом общественного достояния, не отчуждается ни от его создателей, ни от того, кто им пользуется, даже если он является объектом купли-продажи [7].

Вместе с тем современная экономика обладает некоторыми общими чертами, свидетельствующими о складывании постиндустриального способа производства и которые, по всей видимости, в последующем во все большей степени будут характеризовать ее облик и содержание:

- все возрастающая часть производительного потенциала национальных экономик ориентируется на международный обмен, а не на удовлетворение внутригосударственных потребностей, что объективно ведет к становлению и развитию глобальной экономики, усиливает конкуренцию, динамизирует функционирование и повышает ее эффективность;

- растущая транснационализация экономик суверенных государств, которая связывается:

- а) с возникновением ТНК и ТНБ;
- б) новым мировым разделением труда;
- в) появлением "новых индустриальных стран" - государств, вовлеченных в современное постиндустриальное производство;

- г) формированием региональных интеграционных объединений;

- д) совершенствованием принципов и правил международного обмена материальными ценностями;

- е) потребностями выравнивания диспропорций в развитии Севера и Юга и т.д.;

- разворачивается процесс всесторонней интеллектуализации труда и производства, происходит все более быстрое превращение информации и научного знания в непосредственную производительную силу;

- началось формирование отраслей, специфическим образом сочетающих формы материального производства и предоставления услуг на базе использования высоких технологий;

- в течение последних 25 лет в постиндустриальных обществах на наиболее наукоемкие услуги приходилось около 70 % мирового валового продукта. В глобальной торговле они занимали более скромное место: 21,2 - 23,6 %, так как 85 % всей номенклатуры услуг непосредственно экспорту не подлежат [28];

- с 70-х гг. XX в. идет активный процесс формирования экономики "нелимитированных ресурсов", безграничность которых обеспечивается не масштабами их добычи, а сокращением потребностей в них;

- информатизация экономической жизни приводит к образованию и интенсивному развитию виртуальных корпораций - таких временных альянсов независимых компаний, которые связаны с совместным решением стратегически важных задач. Возникающие при этом сетевые структуры, выходящие за пределы предприятий, обладают новыми возможностями для формирования эффективных рыночных и хозяйственных объединений.

Под геоэкономикой будем понимать: *симбиоз национальных экономик и государственных институтов, формирующих территориальную проекцию ареалов национальных экономик и ареалов транснациональных экономических анклавов, взаимодействующих в мировом экономическом пространстве, сориентированных на международный обмен, а не на удовлетворение внутригосударственных потребностей и представляющий собой цивилизационную модель глобальной системы, опосредованную новым набором ценностей.*

Парадигма промышленной политики

Уточненные понятия неоиндустриальной парадигмы развития, парадигмы инновационной экономики, парадигмы под названием «геоэкономика» позволяют перейти к уточнению парадигмы промышленной политики.

В книге Мансура Олсона «Возвышение и упадок народов» доказывается, что в прошлом широкомасштабные радикальные изменения, преодолевая инерцию косных институтов, способствовали экономическому росту, который эти институты сдерживали [14].

В исследованиях, представляющих собой наиболее убедительные из многочисленных попыток дать объяснение росту или относительному упадку национальной экономики, предполагается, что глубоко укорененные проблемы, преследующие многие ведущие индустриальные страны, требуют радикальных решений. Односторонние меры, принимавшиеся в прошлом, здесь не помогут. Расширение рынков и конкуренции само по себе вряд ли приведет к успеху. Предлагаемые кейнсианцами контроль и регулирование спроса – необходимое, но далеко не достаточное условие. Навязывание централизованного планирования и государственного контроля само по себе, без коренных изменений другого рода также не даст существенных результатов. Какие-либо шансы на успех имеет только радикальное структурированное

сочетание различных методов на разных уровнях экономики. Сложность и разнообразие экономического процесса требует множественности механизмов управления [14, с. 387].

Конкретное приложение институциональной теории к практическим задачам требует подробного, кропотливого изучения институтов и их развития. На теоретическом уровне такой подход предусматривает междисциплинарную эрудицию.

В неоклассической экономике промышленная отрасль представлена как совокупность организационно одинаковых фирм, производящих неотличимую продукцию и конкурирующих на основе цены. М. Бест считает, что Старая конкуренция в сопоставлении с Новой конкуренцией соответствует этой модели. Но традиционная экономическая теория, которая кардинально различает микроэкономику и макроэкономику, упускает третий уровень организации, необходимой для объяснения конкурентоспособности фирм, а именно отраслевые институты, что называют «внешней инфраструктурой фирмы».

Отрасль может включать многообразие межфирменных отношений и внешних агентств, таких как образовательные программы, системы подготовки кадров, рыночные соглашения и комиссии по регулированию, каждая из которых обслуживает межфирменную кооперацию. Отрасль представляется как нечто большее, чем совокупность независимых фирм, а межфирменные отношения — как нечто большее, чем только ценовая конкуренция. Отраслевые институты, таким образом, могут оказывать обратное влияние на организацию отдельных фирм, их стратегию, их коллективную конкурентоспособность. С этой точки зрения фирмы не только конкурируют, но они могут также кооперироваться для оказания совместных услуг при формировании «правил игры на рынке» и создании взаимодополняющих инвестиционных стратегий [2, с.28].

Положение о том, что сильная отрасль зависит от сочетания конкуренции с кооперацией, влечет за собой далеко идущие выводы для государственной политики. Оно предполагает, что задачи отраслевой (включая антимонопольную) политики — это не установление идеала, как это определяется неоклассической теорией совершенной конкуренции, но управление парадоксом: коо-

перация сама по себе может обеспечить обязательства по долгосрочному развитию инфраструктуры отрасли; конкуренция, в свою очередь, приводит к тому, что предприятия остаются инновационными и отвечают на новые вызовы и возможности внешней среды [26, 28].

С этой точки зрения американская антимонопольная политика была провозглашена ради достижения невозможного, а именно ради переделки реального мира в соответствии с абстрактной теорией, которая предполагает рыночное равновесие, но даже не принимает во внимание существование снабженческих организаций или возможности продуктовой, а не ценовой конкуренции. Отраслевая политика, которая никогда не была интегрирована с антимонопольной политикой ни в теории и ни на практике в Америке или в Англии, часто базировалась на идее, противоположной идеалу свободного рынка: государственное планирование может обеспечить аллокативную эффективность там, где рынок не срабатывает [8].

Принимая во внимание ложный идеал, который направлял государственную промышленную политику, становится объяснимым то, что промышленная политика имеет плохую репутацию как в экономических кругах, так и в общественном мнении в Америке и Британии. Она ассоциируется с поддержанием на плаву тонущих фирм в умирающих отраслях или создает видимость наличия особой политической заинтересованной в субсидировании плохого менеджмента и могущественных союзов, направленных против менее организованных общественных интересов. В других местах, однако, промышленная политика не выполняет такую же функцию препятствия экономическому развитию. Действительно, промышленная политика японского правительства часто приводится в качестве положительного примера повышения конкурентоспособности японских фирм. Обе точки зрения верны лишь частично. Промышленная политика может способствовать экономическому развитию или сдерживать его. Три элемента успешной промышленной политики можно отметить у М. Беста (рис.1) [2, с.31].

Рис. 1. Элементы промышленной политики в «новой конкуренции» М.Беста

А.И. Татаркин, О.А. Романова, Р.И. Чененова, М.Г. Филатова отмечают, что основой двух разновидностей промышленной политики (общесистемной и селективной) являются максимально возможные меры по выполнению общесистемных требований к формированию макроэкономической, инфраструктурной и правовой среды деятельности субъектов рынка. Если же эти требования игнорируются, проведение селективной

промышленной политики оказывается неэффективным [21, с.17].

Региональной промышленной политикой, по мнению авторов, является система отношений между правительственными органами субъекта Федерации и субъектами хозяйствования по поводу обеспечения эффективного функционирования предприятий региона и формирования конкурентоспособного промышленного комплекса (рассмотренный подход представлен на рис. 2).

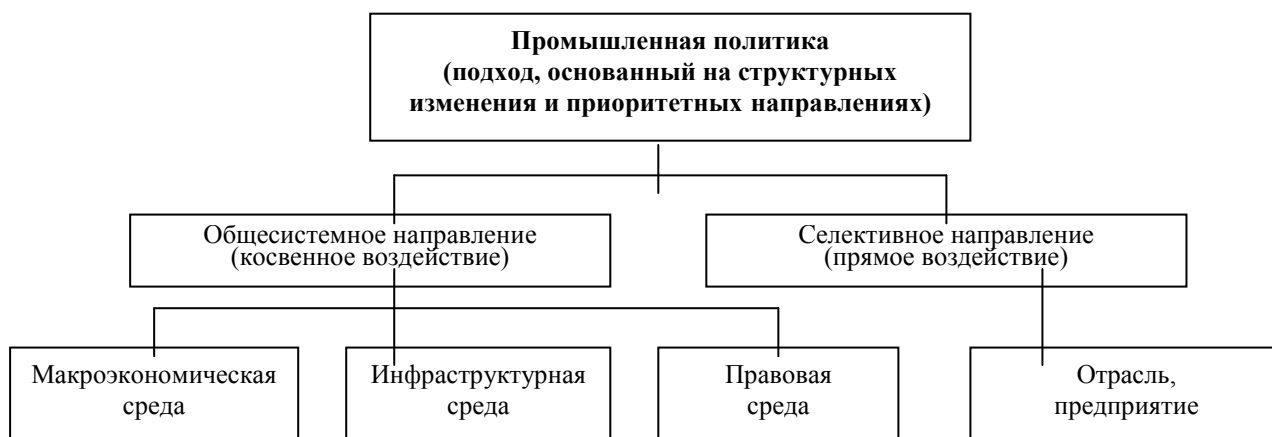

Рис. 2. Вариант структуры промышленной политики

Сущность региональной промышленной политики заключается в обоснованном выборе правительством субъекта Федерации приоритетных отраслей и предприятий территории и в оказании им эффективной государственной поддержки [21, с.41].

Под механизмом реализации региональной промышленной политики авторы

понимают систему правовых, экономических и организационных мер, способствующих формированию конкурентоспособного промышленного комплекса, обеспечению его эффективного функционирования и решению социальных проблем населения территории. По их мнению, институциональные методы, являющиеся элементом механизма, включают в

себя развитие отношений собственности, правовое регулирование, административно-экономическое регулирование, развитие новых организационно-правовых форм [21, с.6].

Д.С. Львов и А.Г. Поршнев рассматривают промышленную политику как направляющие воздействия государства и предлагают направить усилия на развитие блоков отраслей: топливно-энергетический комплекс, аграрно-промышленный комплекс, жилищно-коммунальное хозяйство и военно-промышленный комплекс [23, с.393].

Приоритет общесистемных требований к формированию макроэкономической, инфраструктурной и правовой среды деятельности субъектов рынка требует реализации *региональной институциональной промышленной политики*, как разновидности промышленной политики, суть которой состоит в формировании эффективных институциональных отношений между регионом и субъектами хозяйствования, основанных на гармонизации их интересов через законы и соглашения и направленных на повышение экономического роста и результативности использования факторов производства, создание конкурентоспособной промышленности [12, с.170].

Политика государства в отношении отраслевых рынков в настоящее время имеет несколько направлений. В одном направлении много внимания уделяется антитрестовской политике и политике регулирования

деятельности естественных монополий, в другом – анализу подвергается политика поддержки конкуренции и регулирование государством сделок по слияниям и поглощениям, в третьем направлении в центре внимания находится промышленная политика государства с ее акцентом на задачи инициирования структурных сдвигов и обеспечение конкурентоспособности компаний, отраслей национальной экономики [17, 19]. В целом считается, что промышленная политика должна быть направлена на обеспечение условий для повышения продуктивности и конкурентоспособности экономики и ее отдельных отраслей. Политика реализуется прямым или косвенным воздействием на результативность производственного сектора и сферы услуг. В США такое воздействие называется «антитрестовской политикой», в Евросоюзе используют термин «конкурентная политика» [16]. В российской действительности рационально применять комплексный подход, основанный на целесообразности изучения промышленной политики для определения и выработки курса индустриального развития и поддержки его системой стимулирования, на анализе конкурентной политики и изучении политики регулирования деятельности естественных монополий, оценки сравнительной эффективности частных и государственных компаний (см. рис. 3).

Рис. 3. Элементы «новой промышленной политики» в регионе

Целью данного подхода является эффективное функционирование основных секторов экономики с учетом разнообразия сложившихся рыночных структур. Часто рынок рассматривается с позиций процесса воспроизводства – переплетения многочисленных взаимодействий субъектов региональной экономики, соседних регионов, мирового сообщества, выступающих различными потребителями и производителями разных видов товаров и услуг. При этом под развитием экономики региона понимается воспроизводственная цепочка, включающая стадии: производство, распределение, обмен, потребление товаров и услуг. По нашему мнению, приоритетным назначением промышленной политики должно стать *повышение конкурентоспособности компаний и отраслей за счет структурной перестройки, создание эффективных форм собственности, обеспечивающих инвестирование и выход на инновационный путь развития, процессы*

воспроизводства и пространственного развития, разработки эффективных институциональных отношений, позволяющих интегрировать и справедливо распределять доходы между субъектами региональной экономики, соседних регионов, мирового сообщества, выступающих различными потребителями и производителями в цепочке создания стоимости различных видов товаров и услуг (см. рис.3).

Предотвращение злоупотребления компаниями-монополистами за счет доминирующего положения и регулирование сделок слияний и поглощений создает эффективную конкурентную среду.

В табл. 1 представлены уточненные основные спорные понятия, их содержание, ключевые слова, позволяющие концептуально представить контур парадигмы промышленной политики в регионе.

Таблица 1

Контур парадигмы промышленной политики в регионе

Понятие	Содержание	Ключевые слова
Инновационная экономика	Инновационная экономика как экономика пространственного многоуровневого характера, основанная на знаниях и продуктивной инновационной среде, способствующей передаче, использованию знаний и коммерциализации нововведений, имеющая предназначение во времени, свои национальные корни, сложившиеся традиции, культурные ценности и ориентированная на использование в производстве и оказание услуг отраслей современных технологических укладов	Экономика пространственного многоуровневого характера, экономика знаний, продуктивная инновационная среда, коммерциализация нововведений, предназначение во времени, национальные корни, сложившиеся традиции, культурные ценности, отрасли современных технологических укладов
Неоиндустриальная парадигма развития	Неоиндустриальная парадигма развития, концентрирующая энергию инновационной экономики и по-новому собирающая территории и человеческие ресурсы, кардинально способствующая увеличению добавленной стоимости, создаваемой в инновационном секторе и с помощью инноваций в традиционных отраслях, обеспечивающая концентрацию ресурсов на приоритетных направлениях и создающая условия для межрегиональной кооперации и стратегического партнерства власти, бизнеса и общественных институтов в рамках инновационной модели развития. Неоиндустриальная парадигма требует создания новых управленческих технологий развития территорий, схем пространственного взаимодействия, собирающих их	Инновационная экономика, сборка территории и человеческих ресурсов, добавленная стоимость, создаваемая в инновационном секторе, межрегиональная кооперация и стратегическое партнерство власти, бизнеса и общественных институтов в рамках инновационной модели развития, новые управленческие технологии развития территорий, схем пространственного взаимодействия, собирающие их компетенции, ресурсы

Окончание табл. 1

Понятие	Содержание	Ключевые слова
	компетенции, ресурсы и повышающих конкурентоспособность	
Промышленная политика	Повышение конкурентоспособности компаний и отраслей за счет структурной перестройки, создание эффективных форм собственности, обеспечивающих инвестирование и выход на инновационный путь развития, процессы воспроизводства и пространственного развития, разработки эффективных институциональных отношений, позволяющих интегрировать и справедливо распределять доходы между субъектами региональной экономики, соседних регионов, мирового сообщества, выступающих различными потребителями и производителями в цепочке создания стоимости различных видов товаров и услуг	Конкурентоспособность, структурная перестройка, инвестиции, инновации, воспроизводство, пространственное развитие, эффективные институциональные отношения, интеграция, справедливость, распределение доходов, цепочка создания стоимости

Рассмотрим эволюцию подходов в управлении инновациями со стороны государства. Изначально инновационная политика рассматривалась как осуществление мер по формированию и укреплению инновационного потенциала фирмы и распространению инноваций в отрасли. Функции государства здесь рассматривались как формирование приоритетов и комплекса мер, направленных на компенсацию пробелов, где рынок не создавал необходимой мотивации. Инновационный цикл начинался с научного открытия и развивался в экономической и социальной сферах. С точки зрения управления инновациями и инновационной политики рассматривался одноаспектный подход – создание условий для науки и диффузии инноваций.

Уже в конце XX в. приоритеты в формировании инновационной политики стали меняться. В связи с глобализацией экономики, быстрыми флуктуациями во внешней среде появилась необходимость в обратной связи между всеми составляющими инновационного цикла и корни инноваций оказались уже не в научной сфере, а на рынке. В инновационные процессы вовлекалось все больше количество субъектов рыночных отношений. Государство вынуждено было принимать на себя регулирование инновационных систем. Способность компаний создавать и внедрять инновации стала зависеть не только от их внутреннего инновационного потенциала, но и от рамочных условий, развития институциональной инновационной среды. С точки зрения управления инновациями и инновационной политики рассматривался уже

системный подход, учитывающий роль географического пространства, национальных институтов, культурных факторов в инновационном процессе. Проблемами инновационной политики стали макроэкономические условия, потребительский спрос, ценности населения, финансовая безопасность и административные барьеры, что потребовало формирования партнерства между государством и частным сектором и вовлечения в инновационные процессы всех субъектов рыночных отношений [8].

В XXI в. с переходом к новому обществу, основанному на знаниях, инновационная политика стала касаться не только конкурентоспособных предприятий, секторов экономики, но и стран, в связи с чем стало необходимым связать инновации с ростом благосостояния, обеспечением экономической и социальной безопасности, также с трансформационными изменениями при переходе к новому экономическому, социальному и технологическому укладам. Инновации стали производиться не отдельной институциональной структурой, а в процессе взаимодействия различных институциональных структур. Следовательно, правительство должно брать на себя координационную функцию между различными сферами деятельности и секторами экономики.

Фундаментальные изменения в эволюции систем, их усложнение, увеличение количества проблем, с которым столкнулось общество – все это потребовало междисциплинарного подхода и учета интереса всех участников при формировании инновационной политики с разработкой

политических, правовых, социальных, психологических, этнических и других сфер.

Схема классификации иерархии связей между экономическими агентами и институтами представлена на рис. 4.

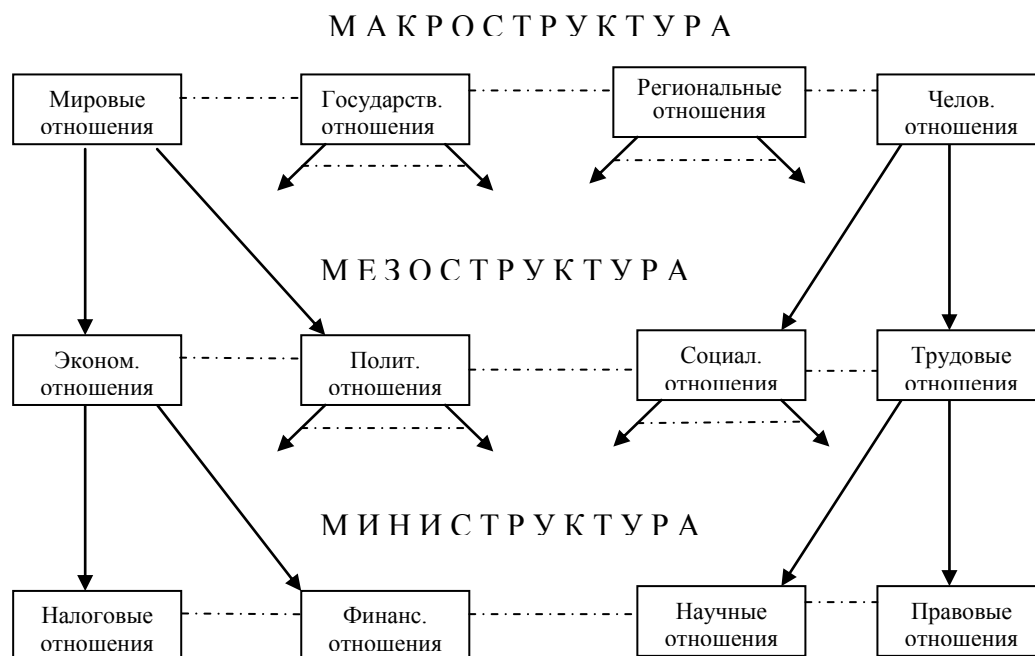

Рис. 4. Схема классификации иерархии связей между экономическими агентами при реализации промышленной и инновационной политики [12,13]

Институциональные отношения между институтами и экономическими агентами по поводу формирования инновационной политики стали формироваться в трех плоскостях: в вертикали – по уровням (мировое сообщество, государство, регион, муниципальное образование, фирма, семья, индивид); в горизонтали – на каждом территориальном сообществе между его экономическими агентами; вертикально-горизонтальные связи между институтами и экономическими агентами разных уровней [12,13].

Проведем экспертную оценку отношений между элементами промышленной политики региона и макроуровнем агентов (табл.2) с использованием разработанной шкалы (табл.3).

Отношения сильно позитивные, где между элементами промышленной политики региона и макроуровнем агентов оцениваются как +3.

Отношения сильно негативные, где между элементами промышленной политики региона и макроуровнем агентов оцениваются –3.

Существенное влияние на оценку оказали:

- 1) отсутствие «Закона о промышленной политике»;
- 2) отсутствие инфраструктурных инновационных объектов;
- 3) сокращение численности и объемов производства промышленных предприятия региона;
- 4) низкая производительность труда;
- 5) низкие показатели конкурентоспособности и инновационности выпускаемой продукции;
- 6) низкий уровень жизни населения.

Таблица 2

Матрица оценки макропромышленных политик*

Макроагенты экономики	Параметры субъекта					
	Инновационная политика	Инвестиционная политика	Структурная политика	Конкретная политика	Политика форм собственности	Итоговый результат
Мировая политика	-3	-3	-3	-3	0	-13
Государственная политика	0	-3	-3	0	-3	-9
Региональная политика	-2	-3	-3	-3	-3	-14
Муниципальная политика	-3	-3	-3	-2	-2	-13
Политика предприятий	-3	-3	-3	-2	-2	-13
Политика домашних хозяйств	0	0	0	0	0	0
Политика индивида	0	+2	-1	0	0	+1

*Оценка параметров производится согласно разработанной шкале оценок.

Таблица 3

Шкала экспертных качественных оценок для определения уровня силы и вектора влияния исследуемого отношения на результат

Оценка состояния влияния	Характеристика уровня и вектора влияния исследуемого отношения на результат	Уровень силы влияния, баллы	Итоговая оценка с учетом вектора влияния
Сильноположительное	Отношение сильное, оказывает существенное положительное влияние на достижение поставленной цели	3	+3
Среднеположительное	Отношение среднее по силе, оказывает среднее положительное влияние на достижение поставленной цели	2	+2
Слабоположительное	Отношение слабое по силе, оказывает слабое положительное влияние на достижение поставленной цели	1	+1
Нейтральное	Отношение нейтральное, не оказывает никакого влияния на достижение цели	0	0
Слабонегативное	Отношение слабое по силе, оказывает слабое негативное влияние на достижение поставленной цели	1	-1
Среднегативное	Отношение среднее по силе, оказывает среднее отрицательное влияние на достижение поставленной цели	2	-2
Сильнонегативное	Отношение сильное, оказывает сильное негативное влияние на достижение поставленной цели	3	-3

Из оценки отношений между элементами промышленной политики региона и макроуровнем агентов экономики видно, что никто из макроагентов не имеет

положительного влияния на региональные промышленные отношения, т.е. фактически промышленной политики в регионе нет. Ставка федеральной власти на либерализацию в

экономике и наиболее успешно адаптировавшихся к глобальному рынку субъектов — крупные корпорации — как на региональных создателей не оправдывается.

Выводы. Современная региональная политика все больше становится средством реализации геоэкономических интересов конкретных государств и наднациональных образований. Новое — геоэкономическое — измерение процессов регионального развития полностью меняет конфигурацию его институционально структуры, представления о приоритетах развития, отношениях между внутренней и внешней политикой, приводит к созданию нового инструментария.

Можно констатировать, что зона управления органов государственной власти постоянно сокращается: границы рынков больше не совпадают с административными границами, экономическая активность наиболее крупных хозяйствующих субъектов в современных условиях не может эффективно регулироваться региональными властями. При сохранении инерционного сценария развития системы управления региональные власти рискуют в отношении подведомственной им территории постепенно превратиться в одно из ключевых препятствий для развития экономики. Ставка федеральной власти на наиболее успешно адаптировавшихся к глобальному рынку субъектов — крупные корпорации — как на региональных девелоперов не оправдывается. Крупные российские корпорации преобразовываются в транснациональные корпорации, становясь неуправляемыми («неуловимыми»). Необходимо усиление полномочий и улучшение финансового обеспечения муниципалитетов. Сохранение созданной по производственно-технологическому принципу пространственной организации страны стало невозможным после открытия национальной экономики и интеграции России в глобальный рынок. Из-за неэффективных пространственных структур стали вымываться из регионов ресурсы, в первую очередь — финансовые и человеческие. Неэффективная пространственная организация страны повлекла за собой рост расходов на поддержание инфраструктур, которые избыточны в территориях, теряющих население и производственные активы. Быстро растут региональные диспропорции в развитии. К 2008 г. 10 из 89 субъектов Федерации обеспечивали более 50% ВВП страны. Новая система расселения и пространственная организация направлены на сырьевую специализацию страны и транзитный характер развития большинства ее регионов. Во многом этот процесс поддерживается иностранными игроками, которые заинтересованы в такой

сырьевой функционализации России. Большинство инфраструктурных проектов последнего десятилетия были нацелены на обеспечение транзитной экономики и не обеспечивали связи в стране. Отсутствие зон высокоорганизованной урбанистической среды жизни (концентрация современных городских инфраструктур, информационных каналов, экологически благоприятных условий жизни в населенных пунктах, транспортная доступность основных мировых центров и пр.) становится препятствием для концентрации на территории РФ ресурсов будущего: высококвалифицированной мобильной рабочей силы, инновационных технологий, источников информации, «брендов», культурных ценностей. В данной ситуации фактически исчерпали себя цели регионального развития, столь характерные для эпохи индустриализации: физические объемы производства, ВВП в стоимостном выражении, объем привлеченных капиталовложений. У глобального рынка существует единая, основанная на системе глобальных обменов «матрица капитализации», учитывающая все факторы, вовлекаемые в рыночные процессы. Регионы, как и другие субъекты, должны стремиться к расширению своего участия в этих обменах и к повышению своей значимости (капитализации) в них. Стратегический вакуум продолжает заполняться активностью крупных корпораций. Большинство регионов РФ сформировались как централизованные и иерархические, собранные вокруг доминирующих корпораций, а потому в своих планах и проектах развития обречены следовать планам и проектам последних, что явилось главной причиной отсутствия конкурентоспособных региональных кластеров в России.

Проведенный с использованием методов неинституциональной теории анализ позволил выявить также основные проблемы в развитии региона. С одной стороны, это — отсутствие интереса региона к развитию промышленности и производящих конкурентоспособную продукцию промышленных комплексов, а также ее контроля и оказания им помощи. С другой стороны — сами хозяйственные комплексы, пользуясь идеологией либерализации, а фактически неуправляемости, используют в своей деятельности стратегию временного успеха и не стремятся к долговременным целям, а зачастую работают на достижение личных интересов управляющих или собственников, имеющих контрольные пакеты акций. Свидетельство этого — значительное снижение налоговых поступлений в бюджет, невыплата заработной платы и сокращение численности работающих в ущерб интересам региона, общества. Часто

нарушаются нормы формальных институциональных отношений без какой-либо ответственности за это. Также отсутствует регулирование со стороны региональных властей взаимодействия между частными инвесторами, банками и предприятиями. Отношения, складывающиеся в процессе инвестиционной деятельности, не являются вполне гармоничными. Так, ставки по кредитам достаточно высоки, а средняя заработная плата банковских служащих в 2 – 3 раза превышает среднюю заработную плату по региону. По-прежнему высок уровень криминогенности. Валовый региональный продукт формируется в основном за счет коммерческо-посреднических сделок. На топливных рынках нефтепродуктов и газа преобладает монополизм, что позволяет, используя рыночную власть, поставлять предприятиям региона и населению топливо по достаточно высоким ценам, тем самым снижать конкурентоспособность выпускаемой регионом продукции. В основном, как в управлении регионом, так и в Законодательном собрании участвуют представители бизнеса, которые сочетают частные интересы с общественными, лоббируют свои интересы. Управление социально-экономическим развитием региона находится на достаточно низком уровне, цель выбрана неверно и соответствует целям третьего уровня – формирование инвестиционной привлекательности региона. В планах региона нет стремления повысить уровень жизни населения, нет идеологии, концепции и программ промышленного развития, не определены приоритеты, несмотря на увеличение численности управленческого персонала региона; отсутствуют цели и задачи развития, нет индикаторов, позволяющих оценивать результаты деятельности властных структур, отсутствует мониторинг их деятельности, во взаимодействиях региона и хозяйственных комплексах существует постоянная конфронтация интересов.

Учитывая, что промышленный потенциал региона существенно уменьшился при прохождении промышленными предприятиями региона процедур банкротства, необходимо выявить основные причины низкой эффективности антикризисных процедур и разработать предложения, направленные на восстановление платежеспособности, основанные на эффективном взаимодействии институтов региона и промышленного комплекса.

Список литературы

1. *Бойетт* Джозеф Г., *Бойетт* Джимми Т. Путеводитель по царству мудрости: лучшие идеи мастеров управления / пер. с англ. 2-е изд., стереотип. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2002. 477 с.
2. *Бест* М. Новая конкуренция. Институты промышленного развития. М.: ТЕИС, 2002. 473 с.
3. *Вацеккин Н.П.*, *Мунтян М.А.*, *Урсул А.Д.* Глобализация и устойчивое развитие. М., 2002. 376 с.
4. *Волкова Н.*, *Сахно Т.* Индустриальные кластеры США // США. Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 1. С. 51-68.
5. *Жан К.*, *Савона П.* Геоэкономика. Господство экономического пространства. М., 1997. 454 с.
6. *Захарова Н.В.* Формирование инновационной экономики и инновационных систем стран Европейского союза: автореф. дис... д-ра экон. наук. М., 2010.
7. *Иноземцев В.* Парадоксы постиндустриальной экономики // МЭиМО. 2000. №3. С. 3-11.
8. *Катькало В.С.* Эволюция теории стратегического управления. 2-е изд. СПб.: Высшая школа менеджмента: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. 412 с.
9. *Кочетов Э.Г.* Стратегия развития: геоэкономическая модель // Безопасность Евразии. 1999. №1. С. 107-146.
10. *Кочетов Э.* Геоэкономический атлас мира как логистическая система нового класса // там же. 2001. №17. С. 359-370.
11. *Лапкин В.В.*, *Пантин В.И.* Геоэкономическая политика: предмет и понятия (к постановке проблемы) // Полис. 1999. №4. С. 42-59.
12. *Малышев Ю.А.* Теория и методология развития институциональных отношений в инновационной сфере региона Пермь, 2009. 338 с.
13. *Малышев Ю.А.* Теория, методология и практика исследования институциональных отношений в территориальных сообществах. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2005. 347 с.
14. *Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз / пер. с англ. В. Бусыгина. Новосибирск: ЭКОР, 1998. 460 с.
15. *Основные итоги социально-экономического развития Пермского края в январе-мае 2010 года* [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. *Питерс Т.*, *Уотерман Р.* В поисках эффективного управления (опыт лучших компаний). М.: Прогресс, 1986. 360 с.

17. *Портер М.* Конкуренция.: пер. с англ. М.: Изд. дом «Вильямс», 2002. 486 с.
18. *Портер М.* Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 560 с.
19. *Постановление* от 22 ноября 2001 г. N 1898 «О Концепции социальной политики в Пермской области» // URL: <http://karta.irex-dialog.ru> (дата обращения: 06.12.2010).
20. *Разработка «Стратегии привлечения инвесторов и центров прибыли в Пермский край» на 2007-2010.* Аналитический отчет. Государственный Контракт № К20203-20-022/07. ООО «БДО Юникон Консалтинг». М., 2007.
21. *Татаркин А.И., Романова О.А., Чененова Р.И., Филатова М.Г.* Региональная промышленная политика: теоретические основы, практика формирования и механизм реализации: препринт. Екатеринбург: УрО РАН, 2000. 86 с.
22. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999. 486 с.
23. *Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы* / рук. авт. кол. Д.С. Львов, А.Г. Поршнев. М.: Экономика, 2002. 476 с.
24. *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. М., 2001. 286 с.
25. *Фетисов Г.Г., Бондаренко В.М.* Прогнозирование будущего: новая парадигма. М.: Экономика, 2008. 294 с.
26. *Хамел Г., Прахалад К., Томас Г., П О'Нил Д.* Стратегическая гибкость / пер. с англ. СПб.: Питер, 2005. 366 с.
27. *Хамел Г., Прахалад К.К.* Конкуренция за будущее. Создание рынков завтрашнего дня / пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2002. 468 с.
28. *Ходжсон Д.* Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / пер. с англ. М.: Дело, 2003. 476 с.
29. *Цымбурский В.Л.* К геоэкономике Евразийского пространства // Евразийская безопасность. НАВИГАТОР. 1999. №1. 161 с., 181 с.
30. *Щедровицкий П.* Государственная политика регионального развития в Российской Федерации: проблемы и перспективы. 20.03.2009. Новости гуманитарных технологий. Гуманитарное развитие в России и за рубежом. Экспертно-аналитический портал. <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2241> (дата обращения: 09.12.2010).
31. *Экономика знаний* / отв. ред. В.П. Колесов. М.: ИНФРА-М, 2008. 416 с.
32. *Attali J.* Ligne d'horizon. P., 1990.
33. *Baumol W. J.* Entrepreneurship: Productive, Unproductive and Destructive // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98, № 5, Pt. 1.
34. *Czamanski S., Ablas L.* Identification of Industrial Clusters and Complexes: a Comparison of Methods and Findings // Urban Studies. 1979. Vol.16.
35. *Marshall A.* Industry and Trade. London, 1920.
36. URL: <http://www.oblstat.permregion.ru/> (дата обращения: 09.12.2010).